

Фредерик
КОПЛСТОН

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
И ДРЕВНИЙ РИМ

Том II

ЦЕНТРОПОЛИС

Фредерик Коплстон

История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Том II

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612795

История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Т. II. / Пер. с англ.

Ю.А. Алакина.: Центрполиграф; Москва; 2003

ISBN 5-9524-0343-3

Аннотация

В двухтомнике известного английского ученого, доктора философии, профессора, автора многочисленных трудов и монографий Фредерика Коплстона анализируются основные направления греческой и римской философской мысли. Вы познакомитесь с ее первыми, порой довольно наивными идеями, узнаете или расширите знания о философских системах Фалеса, Анаксимандра, Пифагора, Гераклита, Парменида, Зенона, Сократа, Платона и Аристотеля, проследите за возникновением и развитием множества философских школ и течений. А также сможете изучить расширение влияния школы стоиков и эволюцию последнего творческого взлета античной мысли, неоплатонизма Плотина.

Содержание

Часть четвертая	4
Глава 27	4
Произведения Аристотеля	8
Глава 28	21
Глава 29	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фредерик Коплстон

История философии.

Древняя Греция и Древний Рим. Т. II

Часть четвертая

Аристотель

Глава 27

Жизнь и произведения Аристотеля

Аристотель родился в 384 году до н. э. в городе Стагира во Фракии. Он был сыном Никомаха, врача македонского царя Аминты II. Не достигнув еще и семнадцати лет, он отправился учиться в Афины и около 368 года до н. э. стал слушателем Академии, где более двадцати лет постоянно общался с Платоном, до смерти последнего в 348 или 347 году. Таким образом, Аристотель поступил в Академию как раз в то время, когда Платон разрабатывал позднюю версию своей диалектики и в его учении стали появляться религиозные тен-

денции. Возможно, уже к моменту кончины Платона Аристотель обратил внимание на эмпирическую науку и по ряду вопросов отошел от учения Мастера. Тем не менее ни о каком разрыве между учителем и учеником не могло быть и речи, да и невозможно представить себе, чтобы Аристотель смог остаться в Академии, если бы его взгляды коренным образом отличались от взглядов Платона. Более того, даже после его смерти, говоря о приверженцах Платоновой теории Идей, Аристотель употребляет местоимение «мы» и посвящает ему панегирик, в котором говорит о Платоне как человеке, которого «дурным людям и хвалить не приличествует и кто своей жизнью и учением показал, как можно быть счастливым и добродетельным одновременно¹. Утверждение же о том, что Аристотель в Академии был серьезным оппонентом Платона, эдаким «бельмом на глазу» учителя, просто невозможно: Аристотель нашел в Платоне руководителя и друга, которым он восхищался, и, хотя в более поздние годы собственные научные интересы захватили Аристотеля целиком, он еще долго испытывал влияние метафизических и религиозных идей Платона. В самом деле, миф об Аристотеле как о холодном, не подверженном изменениям человеке, критиковавшем всех и вся, лишенном иллюзий, разбивается вдребезги под напором фактов, которые до настоящего времени специально умалчивались ради сохранения этого мифа. При рассмотрении вопроса о произведениях Аристотеля я вкратце расскажу, как *постепенно* вызревали его

собственные взгляды, чего, впрочем, и следовало ожидать.

После смерти Платона Аристотель уехал из Афин с Ксенократом (главой Академии стал Спевсипп, племянник Платона, с которым у Аристотеля не было взаимопонимания; да и в любом случае он не захотел бы остаться в Академии на положении подчиненного) и основал филиал Академии в городе Асса в Троаде. Здесь он общался с Гермием, тираном Атарнея, на которого оказал большое влияние и на племяннице которого, Пифиаде, женился. Именно здесь начинают складываться собственные философские взгляды Аристотеля. Тремя годами позже он посетил Митилен на Лесбосе, где, вероятно, и познакомился с Теофрастом, жителем города Эреса на том же острове, ставшим позже самым знаменитым учеником Аристотеля. (Гермий вел тайные переговоры с Филиппом Македонским, который мечтал разгромить Персию. Персидский военачальник Ментор обвинил Гермия в измене и отправил его в Сузы, где того подвергли пыткам. Он не выдал доверенных ему тайн, а умирая, сказал: «Скажите моим друзьям и соратникам, что я не поддался слабости и не совершил ничего, что бы было недостойно философа». Аристотель написал в его честь поэму.)

Примерно в 343 году до н. э. Филипп Македонский пригласил Аристотеля в Пеллу в качестве воспитателя своего сына Александра, которому в то время было 13 лет. Жизнь при македонском дворе и усилия, направленные на то, чтобы сделать молодого царевича, которому суждено было сыграть

выдающуюся роль в истории и прославиться на весь мир под именем Александра Великого, человеком высоконравственным, без сомнения, значительно расширили кругозор Аристотеля и избавили его от узости взгляда, свойственного простым грекам. Впрочем, мировоззрение Аристотеля изменилось не столь сильно, как можно было бы ожидать: он так и не отказался от провинциального взгляда на город-государство как на центр всей жизни. Когда Александр взошел на престол, Аристотель покинул Македонию, поскольку его педагогическая деятельность, по всей видимости, подошла к концу, и на какое-то время возвратился в Стагиру, свой родной город, который Александр, в знак признательности своему учителю, отстроил заново. Со временем связь между философом и его учеником ослабла, поскольку Аристотель, одобрявший, в определенной степени, политику Македонии, был категорически против стремления Александра относиться к грекам и «варварам» как к равным. Более того, в 327 году до н. э. Каллисфен, племянник Аристотеля, поступивший на службу к Александру по его рекомендации, был заподозрен в участии в заговоре и казнен.

Около 335 года до н. э. Аристотель вернулся в Афины, где основал свою школу. Помимо того что он несколько лет не был в Афинах, его собственные философские взгляды делали невозможным его возвращение в стены Академии. Новая школа располагалась на северо-востоке Афин, рядом с Ликеем, святилищем Аполлона Ликейского. Школа Аристоте-

ля была известна также под названием Періплатос, а члены ее назывались перипатетиками, поскольку они, согласно одной версии, вели свои дискуссии во время прогулок, а согласно другой, по названию крытой галереи – перипатос, где читались лекции. Школа была посвящена музам. Помимо обучения и наставления студентов в ней велась и научная работа. Ликей в гораздо большей степени, чем Академия, напоминал союз или сообщество, где умудренные опытом мыслители занимались исследованиями; это был скорее университет или научный институт, оборудованный библиотекой и имевший штат учителей, регулярно читавших лекции.

В 323 году до н. э. Александр Великий умер и греки, стремившиеся избавиться от владычества Македонии, выдвинули против Аристотеля, который был тесно связан с Александром в годы юности, обвинение в безбожии. Аристотель уехал из Афин (говорят, он объяснил свой отъезд тем, что не хотел давать афинянам возможности еще раз согрешить против философии) и поселился в Халкисе на Эвбее, в поместье своей покойной матери. Вскоре после этого, в 322 году до н. э., болезнь свела его в могилу.

Произведения Аристотеля

Творческая жизнь Аристотеля распадается на три периода: 1) время тесного общения с Платоном; 2) годы, проведенные в Ассе и Митилене; 3) период, когда он возглавлял Ли-

кей в Афинах. Произведения Аристотеля можно разделить на два вида: 1) экзотерические работы, написанные большей частью в форме диалогов и предназначенные для широкой публики; и 2) педагогические, эзотерические работы, составившие основу лекций, которые он читал в Ликее. Из первых до нас дошли фрагменты, зато последние сохранились во множестве. Педагогические работы впервые были опубликованы Андроником Родосским (60–50 до н. э.) и создали Аристотелю славу философа, чей стиль отличается прямотой и отсутствием литературных красот. Будучи плодотворным изобретателем философских терминов, Аристотель не обращал особого внимания на стиль и красоту слога, так как считал философию очень серьезным делом, не допускающим использования метафор или мифов там, где требуются строгие научные доказательства. Это верно, что педагогические работы лишены литературных красот, однако верно и то, что произведения, опубликованные самим Аристотелем, из которых до нас дошли лишь фрагменты, не страдают этим недостатком – Цицерон хвалил их живой язык, а некоторые из них даже содержат мифы. Впрочем, они представляют собой ранние работы Аристотеля, когда он только еще создавал свое собственное учение.

1. В течение *первого периода* своей литературной деятельности Аристотель находился под сильным влиянием учителя, что очень четко проявилось и в содержании его работ, и в их форме (по крайней мере в целом), хотя в своих «Диа-

логах» Аристотель изображает себя ведущим собеседником. Вероятнее всего, здесь он придерживался еще Платонова учения и только позже изменил свою точку зрения. О том, что Аристотель стал думать по-другому, нежели его учитель, говорит Плутарх. Зато Кефизодор, ученик Исократы, утверждал, что Аристотель до конца жизни оставался верен учению Платона, в частности его теории Идей.

а) К этому периоду принадлежит диалог «Эвдем», или «О душе», где Аристотель придерживается Платоновой доктрины знания как припоминания и созерцания Идей до рождения и в целом разделяет взгляд учителя. Здесь он защищает идею бессмертия души с тех же позиций, что и Сократ в «Федоне», – душа не может быть простой гармонией тела. Гармония имеет свою противоположность – дисгармонию. Но у души нет противоположности, а потому душа – не гармония. Аристотель настаивает на предсуществовании и субстанциальности души – как и Форм. Подобно тому как больной человек может потерять память, так и душа, приходя в мир, забывает о своей жизни до рождения; но так же как человек, оправившийся от болезни, помнит о своих страданиях, так и душа после смерти помнит эту жизнь. Нормальное состояние души – это жизнь вне тела, существование же ее в телесных оковах – это на самом деле тяжелая болезнь. Эта точка зрения сильно отличается от той, какой придерживался Аристотель в зрелые годы, создав свое собственное учение.

b) К этому же этапу принадлежит и «Протрептик» («Увещание»). На самом деле это не диалог, а письмо Фемиссу Кипрскому. В этом сочинении Аристотель показывает себя приверженцем Платоновой теории Форм, а философом называет человека, созерцающего сами Формы, а не их имитацию. Вслед за учителем он подчеркивает бессмысленность накопления земных благ и называет жизнь в этом мире могилой для души, настоящая жизнь которой начинается только после смерти тела. Этот взгляд определенно свидетельствует о сильном влиянии Платоновых идей, поскольку в «Никомаховой этике» Аристотель уже говорит о земных благах как предпосылке по-настоящему счастливой жизни каждого человека и даже философа.

с) Вполне возможно, что в этот период были созданы и самые ранние части работ по логике, «Физики» и, вероятно, «О душе» (Книга Г). Поэтому если первоначальный вариант «Метафизики» (включая Книгу А) относится ко *второму* периоду творчества Аристотеля, то можно предположить, что «Физика» (Книга 2) была создана в течение его *первого* периода, поскольку в первой книге «Метафизики» имеются ссылки на «Физику» или, по крайней мере, излагаются начала теории причин. «Физика» распадается на две группы монографий, из которых две первые книги и Книга 7, вполне вероятно, были созданы в ранний период литературной деятельности Аристотеля.

2. Во второй период своего творчества Аристотель начал

уже отходить от позиций Платона и стал критически относиться к учению, преподававшемуся в Академии. Он по-прежнему считает себя академиком, но его настороженное отношение к платонизму усиливается с каждым годом. Этот период представлен диалогом «О философии», в котором явное Платоновое влияние сочетается с критикой его наиболее значимых теорий. И хотя Аристотель считает платонизм вершиной развития всей предшествующей философии (и этого мнения он придерживался всю жизнь), он критикует теорию Форм или Идей, по крайней мере ее последний вариант, созданный Платоном на склоне лет. «Если бы Идеи были не математическими числами, а числами какого-то другого рода, то мы не смогли бы их понять. Ибо кто способен понять число другого рода, по крайней мере среди большинства из нас?»² Аналогичным образом, хотя Аристотель и был, в общих чертах, согласен с Платоновой теологией, в диалоге «О философии» уже появляется концепция Неподвижного перводвигателя; впрочем, Аристотель еще ничего не говорит здесь о многочисленных источниках движения, которые фигурируют в его метафизике более позднего времени. Он называет Космос или Небеса «видимым Богом», а этот термин появился под влиянием идей Платона.

Интересно отметить, что в этом диалоге аргументом в защиту существования Божественного служит градация степеней совершенства. «В целом там, где существует лучшее, всегда имеется и наилучшее. Поэтому, поскольку среди ве-

щей есть такие, которые лучше других, значит, существует и самая лучшая вещь, которая и есть Божественное». Здесь Аристотель, вне всякого сомнения, говорит о реальных формах. Субъективную веру в существование Бога Аристотель объясняет случаями экстаза и «вещими» снами, а также зрением звездного неба; в более поздние годы Аристотель не использовал оккультные явления для объяснения Божественных феноменов. Таким образом, в этом диалоге мы находим сочетание элементов платонизма с критикой Платоновой философии, в частности теории Идей и доктрины сотворения мира, описанной в «Тимее» и утверждающей, что мир вечен.

Скорее всего, первый набросок «Метафизики» относится ко второму периоду творческой деятельности Аристотеля, переходному периоду. Он включает в себя Книгу А (использование местоимения «мы» как раз и говорит о переходном периоде), Книгу В, Книгу К, главы 1–8, Книгу Л (все главы, кроме 8-й), Книгу М, главы 9 — 10, и Книгу N. Джеггер считал, что острие критики в этом варианте «Метафизики» было направлено главным образом против Спевсиппа.

Некоторые считают, что «Эвдемова этика» была создана в этот период, в годы, когда Аристотель работал в Ассесе. Аристотель по-прежнему верен Платоновой концепции мышления, хотя объектом философского созерцания становится уже не Идеальный Мир Платона, а трансцендентный Бог «Метафизики». Вполне вероятно, что первый вариант

«Политики» был также написан в течение данного периода, включая Книги 2, 3, 7, 8, описывающие Идеальное Государство. Здесь Аристотель критикует Платонову Республику и тому подобные утопии.

Считают, что сочинения «О небе» и «О возникновении и уничтожении» тоже были написаны в это время, однако точных свидетельств нет.

3. Третий период (335–322 до н. э.) охватывает преподавательскую и исследовательскую деятельность Аристотеля в Ликее. Именно в это время он сложился как ученый-эмпирик, который поставил перед собой цель воздвигнуть надежное философское здание на прочном фундаменте. Мы не можем не восхищаться впечатляющим размахом и четкой организацией разнообразных исследований в области природы и истории, проводившихся Аристотелем в последний период его жизни. В Академии конечно же слушатели занимались практической классификацией при решении логических задач, и эти занятия включали в себя проведение эмпирических наблюдений, но они не шли ни в какое сравнение с тем систематическим и детальным изучением природы и истории, которое проводилось в Ликее под руководством Аристотеля. Дух пристального проникновения в явления природы и истории был в новинку для греков, и он обязан своим возникновением исключительно Аристотелю. Однако было бы неверно представлять Аристотеля в последние годы его жизни чистым позитивистом, как это иногда дела-

ют, поскольку у нас нет никаких доказательств того, что он, несмотря на свой интерес к точным научным данным, отказался от метафизических идей.

Лекции Аристотеля в Школе составили основу его «педагогических» работ», которые ходили по рукам слушателей и были впервые опубликованы, как уже говорилось выше, Андроником Родосским. Большая их часть относится к данному периоду. Эти работы доставили много хлопот ученым из-за того, например, что разные книги часто плохо связаны между собой, а различные отделы располагаются в такой последовательности, которая не подчиняется никакой логике, и т. д. Современные исследователи полагают, что они представляют собой лекции Аристотеля, которые и публиковались как лекции; скорее всего, это различные части или отдельные лекции, объединенные позже под одним общим заглавием. Составлением книг для издания частично занимался сам Аристотель, продолжали это дело последующие поколения преподавателей Ликеея, завершил Андроник Родосский, а может быть, кто-нибудь из более поздних авторов.

Работы Аристотеля третьего периода можно разделить на:

а) Логические сочинения (объединенные позже, во времена Византии, под общим заглавием *«Органон»*): *«Категории»* (по крайней мере содержание ее принадлежит Аристотелю), *«Об истолковании»* (посвящена предположениям и суждениям), *«Первая аналитика»* (2 книги об умозаключениях) и *«Вторая аналитика»* (2 книги о доказательствах, знании

принципов и т. д.), «*Топика*» (8 книг по диалектике и доказательствам вероятности), «*Софистические опровержения*».

б) Метафизические сочинения: «*Метафизика*» — собрание лекций разного времени, названное так кем-то из перипатетиков еще до Андроника потому, что в собрании работ философа она шла после его «*Физики*».

с) Сочинения по натурфилософии, естественным наукам, психологии и т. д. — «*Физика*», состоящая из 8 книг, первая из которых относится к тому периоду, когда Аристотель находился еще под влиянием Платона. В «*Метафизике*» содержится ссылка на «*Физику*», вернее, на основы теории причин, изложенные в книге 2 «*Физики*». Книга 7 «*Физики*», вероятно, принадлежит к более ранним сочинениям Аристотеля, а Книга 8 вообще не имеет никакого отношения к «*Физике*», поскольку в ней приводятся ссылки на эту книгу, предваряемые словами: «Как было показано в «*Физике*»...»³ Таким образом, вся книга состоит из изначально независимых друг от друга монографий. Это предположение возникло на основе того, что в «*Метафизике*» цитируются как относящиеся к «*Физике*» сочинения «*О небе*» и «*О возникновении и уничтожении*»⁴.

«*Метеорология*» (4 книги).

«*История животных*» (10 книг по сравнительной анатомии и физиологии, последняя из которых, скорее всего, была написана уже после Аристотеля).

«*Анатомия*» из 7 книг, которые утеряны.

«О частях животных» (1 книга) и «О возникновении животных» (1 книга).

«О рождении животных» (5 книг).

«О душе» – психологическая теория Аристотеля (5 книг).

Малые естественно-научные трактаты («Parva Naturalia») – несколько небольших сочинений, исследующих такие вопросы, как восприятие, память, сон и пробуждение, сны, долгая и короткая жизнь, жизнь и смерть, дыхание, пророческие сны.

«Проблемы» – сборник проблем, сложившийся постепенно вокруг заметок или набросков, сделанных самим Аристотелем.

d) Работы по этике и политике:

«Большая этика» («Magna Moralia») в 2 книгах, являющаяся, по-видимому, подлинным сочинением Аристотеля, по крайней мере в отношении содержания. Часть ее относится к тому времени, когда Аристотель еще в той или иной степени разделял взгляды Платона.

«Никомахова этика» в 10 книгах, отредактированная сыном Аристотеля Никомахом после его смерти.

«Политика», из которой книги 2, 3, 7, 8, по-видимому, были написаны во второй период творческой деятельности Аристотеля. Книги 4–6, по мнению Джегера, были включены в «Политику» раньше первой, ибо книга 4 содержит ссылки на книгу 3 как на самую первую книгу. В книге 2 излагаются критические замечания.

Собрание конституций 158 государств. Афинская конституция, написанная на папирусе, была найдена в 1891 году.

е) Работы по эстетике, истории и литературе:

«Риторика» – в 3 книгах.

«Поэтика» – дошла до нас в неполном виде, часть ее утрачена.

Записи драматических представлений в Афинах, коллекции Дидаскалий, список победителей Олимпийских и Пифийских игр. Аристотель участвовал в изучении проблемы Гомера, составил трактат о территориальных правах государства и т. д.

Не следует думать, что все эти труды, к примеру собрание текстов 158 конституций, были выполнены самим Аристотелем, они были начаты по его инициативе и проводились под его руководством. Он поручил своим коллегам составить историю натурфилософии (Теофраст), математики и астрономии (Эвдем Родосский) и медицины (Менон). Нельзя не поражаться разносторонности его интересов и разнообразию задач, которые он ставил перед собой.

Сам список сочинений Аристотеля свидетельствует о его отличии от Платона, ибо интересы Аристотеля лежат в сфере науки и эмпирических исследований, и он не считал объекты этого мира «полуреальными» и потому не имеющими права быть объектами познания. Однако это различие в интересах, с годами еще больше усилившееся, в сочетании с неприятием Аристотелем Платоновой теории Идей и его дуалистской

психологии, привело к появлению весьма распространённого мнения, что между двумя философами лежит непроходимая пропасть. В этом мнении конечно же есть доля истины, некоторые догматы их учений противоречат друг другу, да и общий настрой их сильно отличается (по крайней мере если сравнить экзотерические сочинения Платона – а других у нас нет – с педагогическими работами Аристотеля), однако не следует слишком преувеличивать это различие. Аристотелизм, если взглянуть на него с исторических позиций, вовсе не является противоположностью платонизма. Аристотель развил учение Платона, устранив – или по крайней мере попытавшись устранить – противоречия в его теории Идей, в дуалистической психологической теории и др., и поставил его на прочную основу физического факта. Конечно, при этом кое-что ценное оказалось утерянным, однако это говорит о том, что надо рассматривать учения Платона и Аристотеля не как две диаметрально противоположные философские системы, а как две дополняющие друг друга философии. Позже неоплатоники попытались соединить эти две системы в единое целое, это же стремление к синтезу проявилось и в средневековой философии. Святой Фома, хотя и называл Аристотеля Философом с большой буквы, не мог, да и не хотел, порвать окончательно с платоновской традицией. Францисканец Бонавентура, отдававший пальму первенства Платону, не отказывался от использования доктрины перипатетиков, а Дунс Скот приложил немало сил, чтобы внедрить идеи Аристоте-

ля в учение францисканцев.

Не следует также полагать, что Аристотель, поглощенный исследованиями явлений этого мира и стремлением поставить свое учение на прочную эмпирическую и научную основу, был лишен таланта систематизатора или изменил своим метафизическим взглядам. Как платонизм, так и аристотелизм нашли свое высшее проявление в метафизике, и это позволило Гете сравнить систему Аристотеля с пирамидой, имеющей широкое основание, прочно стоящее на земле, а систему Платона – с обелиском или с языком пламени, взмывающим в небо. Тем не менее, по моему мнению, Аристотелева мысль развивалась совсем в другом направлении, чем Платонова, от позиции которого он отталкивался, и результаты его философских исследований не всегда гармонично согласуются с теми элементами Платонова наследства, которым он остался верен до конца своих дней.

Глава 28

Логика Аристотеля

1. Аристотель систематизировал философию по самым разным основаниям, однако в целом он выделял в ней следующие разделы.

Теоретическая философия, целью которой является не достижение практических результатов, а знание, как таковое. Она, в свою очередь, делится на: а) физику, или натурфилософию, которая имеет дело с материальными объектами, подверженными изменению; б) математику, которая имеет дело с неизменяемым, но неотделенным (от материи); в) метафизику, которая изучает отделенное (трансцендентное) и недвижимое. (Таким образом, метафизика включает в себя то, что мы называем естественной теологией.)

Практическая философия имеет дело главным образом с политической наукой, но в качестве подчиненных дисциплин изучает стратегию, экономику и риторику, поскольку эти науки решают вспомогательные задачи и в целом подчинены политической науке.

Поэтическая философия, так же как и практическая (включающая этические действия в более широком или политическом смысле), имеет дело не с действием, как таковым, а с его результатом и по своим целям и намерениям яв-

ляется теорией искусства¹.

2. Аристотелеву логику часто называют формальной. Она занимается анализом форм мышления (отсюда термин «аналитический»), и это название ей вполне подходит; однако было бы большой ошибкой считать, что логика Аристотеля изучает формы мышления в отрыве от внешней реальности. Аристотель в основном занимался способами доказательства, полагая, что выводы, которые следуют из научного доказательства, дают определенное знание о реальности. Например, в силлогизме «Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, он смертен» заключение – не только корректная дедукция из формального закона логики: Аристотель настаивает, что он соответствует эмпирии. Аристотель, таким образом, создавал реалистическую теорию познания, и для него логика является анализом форм мышления, познающего реальность и воспроизводящего ее в самом себе в виде концепций. Истинные суждения в логике Аристотеля представляют собой утверждения о реальности, подтверждаемые явлениями внешнего мира. Таким образом, логика Аристотеля – это анализ человеческого мышления, постигающего реальность, хотя сам философ конечно же признавал, что объекты внешнего мира существуют не всегда в том виде, в каком они воспринимаются умом, то есть в виде универсалий.

Это хорошо видно на примере его доктрины категорий. С логической точки зрения категории – это способы наше-

го мышления о вещах, к примеру предикции свойств субстанций, но в то же время категории – это и способы существования вещей, ибо вещи действительно являются субстанциями и наделены качествами. Таким образом, к категориям следует относиться не только как к объектам логики, но и как к объектам метафизики. Поэтому логику Аристотеля не следует приравнивать к трансцендентальной логике Канта, ставившей перед собой задачу выделить априорные формы мышления, которые присущи самому разуму как моменты активного процесса познания. Аристотель не поднимал «критическую проблему», он придерживался реалистической гносеологии и считал, что категории мышления, выражаемые нами в языке, являются также и объективными категориями экстраментальной реальности.

3. В книгах «Категории» и «Топика» называются десять категорий или общих свойств: οὐσία или τί ἐστὶ, (человек или лошадь); ποσόν (длиной три ярда); ποῖόν (белый); πρὸς τί (двойной); ποῦ (на рынке); πότε (в прошлом году); κεῖσθαι (лежит, сидит); ἔχειν (вооруженный, в обуви); ποιεῖν (режет); πάσχειν (отрезанный или сожженный). Однако во «Второй Аналитике» их становится уже восемь, поскольку κεῖσθαι, или лежащий, и ἔχειν, или обитающий, вошли в состав других категорий. Таким образом, Аристотель не считал свой перечень десяти категорий окончательным. Тем не менее, несмотря на это, нет никаких причин считать этот перечень случайным, лишенным какой-ли-

бо организационной структуры. Напротив, он подчиняется строгому порядку, это классификация фундаментальных понятий, управляющих нашим научным познанием. Слово «κατηγορεῖν» означает «предсцировать» (или «утверждать»), и в «Топике» Аристотель рассматривает категории как классификацию предикатов, или способов нашего мышления о действительном Бытии. Например, мы думаем о каком-нибудь предмете как о субстанции или об определении, которые входят в состав одной из девяти категорий, выражающих способ нашего мышления о субстанции как об определенной субстанции. В «Категориях» Аристотель рассматривает категории как классификацию родов, видов и индивидов, начиная с высших родов и кончая отдельными сущими. Если мы рассмотрим понятия, то есть те способы, которыми наше мышление представляет различные вещи, то обнаружим, что имеем понятия, например, об органических телах (высший род), животных (подчиненный род) и об овце (вид животного); однако все органические тела, животные и овцы образуют одну категорию – категорию субстанции. Аналогичным образом мы можем думать о цвете в общем, о голубом цвете в общем и о бирюзовом; но и цвет, и голубизна, и бирюза вместе подходят под категорию качества.

Однако категории в понимании Аристотеля – это не просто формы умственного представления или матрицы понятий: они представляют реальные формы бытия в экстраментальном мире, образующие мост между логикой и метафизикой.

зикой (главным предметом изучения которой является субстанция). Поэтому категории имеют не только логический, но и онтологический аспект, и вполне вероятно, что именно в онтологическом аспекте наиболее четко проявляется их структурная организация. Так, для того чтобы существовало Бытие, должна существовать и субстанция – она является, так сказать, отправной точкой. За пределами ума существуют только единичные объекты, а для того, чтобы такой объект мог существовать независимо от нашего разума, он должен быть субстанцией. Но он не может существовать в виде чистой субстанции, он должен иметь случайные формы. Например, лебедь не мог бы существовать, не имея цвета; он не мог бы иметь цвета, не обладая количественной характеристикой – объемом. Мы сразу же получаем три первые категории – субстанцию, качество и количество, которые являются внутренними свойствами объекта. Но лебедь своими отличительными чертами похож на других лебедей, он может быть равен или неравен по размеру другим субстанциям, другими словами, он находится в определенных отношениях с другими. Более того, лебедь, как физическая субстанция, должен существовать в определенном *месте* и в определенное *время*, кроме того, он должен иметь определенное *положение*. Опять– таки материальные субстанции, как принадлежащие космической системе, совершают *действия* и сами являются *объектами воздействия*. Таким образом, некоторые категории принадлежат самому объекту как его *внут-*

ренние свойства, а другие – как его *внешние* свойства, воздействуя на его отношения к другим материальным объектам. Таким образом, мы видим, что, даже если сократить число категорий, включив некоторые из них в состав других, сам принцип их выведения никак нельзя назвать случайным.

Во «Второй аналитике» (в связи с вопросом об определениях) и в «Топике» Аристотель обсуждает предикабилии (высказывания о сущем) или различные отношения между универсалиями и субъектами, которыми они предикцируются. К предикабиям относятся: род, вид, отличие, свойство и случайность (не главная особенность предмета). В «Топике» (I, с. 8) Аристотель основывает классификацию предикабий на отношениях между субъектом и предикатом. Так, если предикат равен субъекту по объему, это дает нам либо сущность этого субъекта, либо его свойство. Если же предикат не равен экстенсивно субъекту, то он либо образует часть признаков, входящих в определение субъекта (тогда он будет родом или отличием), либо не образует таковых (в этом случае он будет случайностью).

Сущностные определения – это точные определения по роду и видовому отличию; Аристотель считал, что определение вырабатывается в ходе процесса разделения понятий, доходящего до неделимого вида (см. у Платона)². Однако очень важно помнить, что Аристотель, прекрасно понимавший, что мы не всегда можем получить сущностное или реальное определение, допускал существование номинальных

или описательных определений, хотя и был о них невысокого мнения, считая, что только сущностные определения достойны этого имени. Различие, однако, имеет очень важное значение, поскольку по отношению к природным объектам, изучаемым физической наукой, мы часто должны довольствоваться отличительными определениями или определениями-характеристиками, которые, подходя гораздо ближе к идеалу, чем номинальные или описательные определения Аристотеля, тем не менее никогда не достигают его.

(Некоторые авторы подчеркивают, что на философию большое влияние оказывает язык. Например, поскольку мы называем розу красной (а это необходимо для общения и ориентирования в социальных отношениях), мы, естественно, склонны думать, что «краснота» как свойство или случайный признак объективно существует и что это свойство или признак присущи предмету или субстанции, называемой розой. Таким образом, мы можем проследить, как слова или язык влияют на философские категории субстанции и случайности. Однако следует помнить, что язык следует за мыслью, ибо он создавался для выражения мысли, и это особенно верно в отношении философских терминов. Когда Аристотель устанавливал способы мышления о вещах, он использовал язык как средство выражения мысли, но язык следует за мыслью, а мысль следует за объектами. Язык – это не *априорная* конструкция.)

4. Научное знание преимущественно означало для Ари-

стотеля дедукцию частного из общего или следствие из его причины, что предполагает знание причины, породившей то или иное явление, и необходимой связи между явлением и его причиной. Иными словами, «мы полагаем, что знаем каждую вещь безусловно... когда полагаем, что знаем причину, в силу которой она есть, что она действительно ее причина и что иначе обстоять не может»³.

Но хотя посылки с логической точки зрения предшествуют выводам, Аристотель установил, что существует разница между логическим первенством, или первенством *in se*¹, и гносеологическим первенством *quoad nos*². Он весьма эмоционально подчеркивал, что термины «предшествующее» и «более известное» надо понимать двояко, ибо предшествующее по природе и предшествующее для нас это не одно и то же, как не одно и то же более известное [по природе] и более известное нам. «Под предшествующим и более известным для нас – я разумею то, что ближе к чувственному восприятию; под предшествующим и более известным безусловно – более отдаленное от него»⁴. Иными словами, наше знание начинается с восприятия, то есть с частного, и поднимается к общему или универсальному. «Итак, ясно, что первые [начала] нам необходимо познать через наведение, ибо таким именно образом восприятие порождает общее»⁵. Таким об-

¹ В себе (*лат.*).

² Для нас (*лат.*).

разом, Аристотель вынужден был иметь дело не только с дедукцией, но и с индукцией (которую он называл наведением). К примеру, в вышеупомянутом силлогизме главная посылка «Все люди смертны» основана на данных восприятия, и Аристотель вынужден отдать должное и восприятию, и памяти, ибо они оба участвуют в формировании этой посылки. Отсюда мы получаем доктрину, что восприятие *как таковое* никогда не ошибается – истинным или ложным может быть только суждение.

Так, если пациент, страдающий белой горячкой, «видит» розовых крыс, восприятие в этом не виновато; ошибка возникает в тот момент, когда пациент решает, что розовые крысы находятся «вне его», то есть представляют собой объекты, реально существующие за пределами его разума. Аналогичным образом Солнце кажется нам меньше Земли, но это не ошибка восприятия – если бы Солнце показалось нам больше Земли, вот тогда бы мы могли сказать, что с нашим восприятием что-то не так. Ошибка возникает тогда, когда, не имея знаний по астрономии, человек делает вывод, что Солнце объективно меньше Земли.

5. Таким образом, в «Аналитике» Аристотель рассматривает не только научное доказательство, демонстрацию или дедукцию, но и индукцию. Научная индукция означала для него полную индукцию; он утверждал, что «наведение осуществляется через перечисление всех случаев»⁶. Неполная индукция особенно популярна среди ораторов. Аристотель

применял метод эксперимента, но не выработал научной методологии индукции и использования гипотез. И хотя он признает, что «для нас умозаключение через наведение более наглядно»⁷, его идеалом оставался дедуктивный силлогизм, основанный на доказательстве. Он провел тщательный анализ дедуктивного вывода очень высокого уровня, чего нельзя сказать об индукции. Конечно же для Древнего мира это было совершенно естественно, поскольку математика в то время была развита гораздо сильнее, чем естествознание. Тем не менее, заявив, что мы не можем познать универсальное с помощью чувственного восприятия, как такового, Аристотель указывает, что, наблюдая за группой сходных объектов или за явлением, которое часто повторяется, мы можем с помощью абстрактного мышления получить знание о сущности этого явления и его причине.

6. В «Первой аналитике» Аристотель исследует формы умозаключений. Он определяет силлогизм как «фигуру речи, в которой если нечто предположено, то нечто отличное от положенного с необходимостью вытекает из него»⁸.

Он приводит пример трех фигур силлогизмов:

i) Средний термин (М) является субъектом (S) в одной посылке и предикатом (Р) – в другой. Например: М – это Р, S – это М, значит, S – это Р. Все животные – это живые существа, человек – это животное. Значит, каждый человек – это живое существо.

ii) Средний термин является предикатом в обеих посыл-

ках. Р – это М, S – это не М, значит, S – это не Р. Все люди умеют смеяться. Лошади не умеют смеяться. Значит, лошадь – это не человек.

iii) Средний термин является субъектом в обеих посылках. М – это Р, М – это S, значит, S – это Р. Все люди умеют смеяться. Но все люди – это животные. Значит, некоторые животные умеют смеяться.

В «Топике» Аристотель говорит о разнице между действительным доказательством («когда умозаключение строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных [положений]») и диалектическими умозаключениями, «которые строятся на основе общепринятого [мнения]... всеми или большинством людей или самыми мудрыми и славными из них». Аристотель добавляет третий вид умозаключений – эристические, или «спорные» («которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы»). Третий вид подробно рассматривается в книге «Софистические опровержения», где Аристотель исследует, классифицирует и разоблачает различные виды ложных аргументов.

7. Аристотель хорошо понимал, что дедуктивные посылки сами нуждаются в доказательстве, однако, если мы начнем доказывать каждый принцип, нам придется доказывать до бесконечности, и мы не сможем доказать ничего. Он утверждал поэтому, что существует ряд принципов, которые мы знаем интуитивно и принимаем без демонстрации. Самый

высший из этих принципов – это принцип противоречия. Эти принципы не нуждаются в доказательствах. Например, логическая форма принципа противоречия – «Из двух предположений, одно из которых утверждает что-то, а другое – его отрицает, одно должно быть истинно, а другое ложно» – не является доказательством этого принципа в его метафизической форме – «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении». Это просто констатация факта, что никто не может сомневаться в принципе, лежащем в основе всякого мышления.

И так, мы имеем: i) главные принципы, полученные *νοῦς*; ii) то, что вытекает с необходимостью из главных принципов, полученное с помощью индукции, и iii) то, что возможно или наоборот и что является предметом мнения. Однако Аристотель видел, что главная посылка силлогизма, например «Все люди смертны», не может быть выведена непосредственно из главных принципов – она также основана на индукции. Это подразумевает реалистскую теорию универсалий, и Аристотель утверждает, что индукция показывает, как общее проявляется в известном нам единичном.

8. В книге, подобной этой, нет возможности подробно изложить логику Аристотеля, однако необходимо отметить, какой огромный вклад внес Аристотель в эту область науки, особенно в учение о силлогизме. Логическим анализом занимались и в Академии, особенно в связи с теорией Форм

(стоит только вспомнить дискуссию в диалоге «Софист»), но именно Аристотель констатировал логику как отдельную науку, а также открыл и исследовал фундаментальную форму умозаключения – силлогизм. Его теория силлогизма не потеряла своего значения и поныне, и, даже если бы Аристотель, кроме нее, не создал бы ничего другого, его имя навечно вошло бы в историю. Однако справедливости ради надо признать, что Аристотель подверг исчерпывающему анализу не все дедуктивные процессы, так как классический силлогизм предполагает наличие: i) трех предположений, в субъектной и предикативной форме; ii) трех терминов, из которых предположение берет как субъект, так и предикат и в данном случае определяет, в какой форме два предположения содержит третий: а) только в логической форме либо б) в форме примыкающего экзистенциального утверждения, как в модусе Darapti.

Аристотель, к примеру, не рассматривает другую форму умозаключения (описанную в книге кардинала Ньюмана «Грамматика согласия»), в которой ум делает заключения не на основе посылок, а на основе конкретных фактов. Ум изучает эти факты и, критически оценив их, делает вывод, который является не общим положением (как при подлинной индукции), а заключением о конкретном случае, например «Подсудимый не виновен». Конечно, здесь подразумеваются и общие положения (например, совместимы или несовместимы те или иные улики с понятием о невиновно-

сти), однако в данном случае ум занят выводом следствий не столько из предполагаемых посылок, сколько из определенного количества конкретных фактов. Этот тип рассуждений признавал Фома Аквинский и приписывал его *жизненности мышления*, также называемой *здравым смыслом*. Более того, даже по отношению к той форме умозаключения, которую Аристотель хорошо изучил, он не рассмотрел подробно вопрос, являются ли те общие принципы, с которых оно начинается, чисто логическими или несут в себе и онтологический смысл. Последнее большей частью просто предполагалось.

Однако было бы абсурдным критиковать Аристотеля за то, что он не смог досконально изучить все формы умозаключений, а также за то, что он не поставил и не решил всех вопросов, связанных с формами человеческого мышления. С той задачей, которую он себе поставил, он справился превосходно, и собрание его трактатов по логике (позже названное «Органом») представляет собой настоящий шедевр. Так что Аристотель не без основания считал себя первооткрывателем метода логического анализа и систематизации. В конце книги «Софистические опровержения» он замечает, что несмотря на то, что в области риторики, например, много было сказано до него, он не нашел ни одного труда, посвященного умозаключениям, на который он смог бы опираться в своих исследованиях, и поэтому ему пришлось создавать новую науку практически на пустом месте. Дело за-

ключалось не в том, что анализ процесса рассуждения был проделан до Аристотеля лишь частично, – этим вопросом до него вообще никто не занимался. Профессора риторики снабжали своих учеников готовым набором «аргументов для спора», но никто из них не создал научной методологии или систематического изложения своего предмета – Аристотелю пришлось начинать на голом месте. Поэтому Аристотель имеет все права утверждать, что он первым открыл силлогизм как логическую форму и подверг его всестороннему анализу.

Периодически раздаются голоса, что современные исследования в области логики обесценили традиционную Аристотелеву логику и можно сдать традиционную логику в запасники музеев, которыми интересуются только антиквары. С другой стороны, люди, воспитанные в духе Аристотелевой традиции и стремящиеся сохранить ей верность, могут поддаться искушению отвергнуть современную символическую логику. Не следует впадать ни в ту ни в другую крайность, целесообразнее придерживаться здоровой, сбалансированной позиции, признавая как незавершенный характер Аристотелевой логики, так и достижения современной, отказываясь в то же самое время от дискредитации логики Аристотеля на том основании, что она не охватывает всю область логического. Такой взвешенной позицией отличаются те люди, которые глубоко изучили логику, и об этом следует помнить тем, кто считает, что только философы-схоласты верят в то,

что логика Аристотеля не потеряла своего значения и поныне. Так, утверждая, и правильно утверждая, что «мы не можем больше считать, что она охватывает всю область дедукции», Сюзан Стеббинг признает, что «традиционный силлогизм по-прежнему сохраняет свое значение». Генрих Шольц заявляет, что «Органон» Аристотеля и поныне является самым замечательным и самым содержательным учебником по логике из всех, что когда-либо были созданы. Современная символическая логика – это очень ценное добавление к логике Аристотеля, и ее нельзя рассматривать как полную ее противоположность – она отличается от традиционной более высокой степенью формализации, например идеей пропозициональной функциональности.

9. Мне хотелось бы закончить это по необходимости краткое и урезанное описание логики Аристотеля небольшим обзором *нескольких характерных тем*, обсуждаемых в «Органоне», чтобы продемонстрировать, какой широкий круг вопросов охватывал логический анализ Аристотеля. В «Категориях» мыслитель исследует различные варианты субъекта и предиката, в книге «Об истолковании» – противоположные утверждения, модальные и утвердительные, что породило предположения о том, что середина глав 7 и 10 была утрачена. В первой книге «Первой аналитики» он рассматривает вопрос о преобразовании чистых утверждений и о необходимых и случайных утверждениях, анализирует три фигуры силлогизма и дает правила для формулировки или

обнаружения силлогизмов, имеющих дело, например, с косвенными умозаключениями, отрицанием, доказательствами от противного и доказательствами гипотез. Во второй книге Аристотель рассматривает вопрос о соотношении истинного и ложного в посылках и заключении, недостатки силлогизма, индукцию в узком смысле, через «перечисление всех случаев» (Ch. 23), энтимемы и др.

Первая книга «Второй аналитики» рассматривает структуру дедуктивной науки и ее логическую отправную точку; единство, разнообразие и различия между науками, невежеством, ошибками и недостоверностью, а также их логический ранг. Вторая книга посвящена определениям, сущностным и номинальным; различию между определением и демонстрацией; недоказуемости природы сущности; способу установления исходных истин и т. д. «Топика» посвящена предикабиям, определению, методике доказательства или практике диалектики; а трактат «О софистических опровержениях» – классификации заблуждений и тому, как от них избавиться.

Глава 29

Метафизика Аристотеля

1. «Все люди от природы стремятся к знанию»¹. Таким оптимистичным заявлением начинается Аристотелева «Метафизика», книга или, скорее, собрание лекций, которые очень трудно читать (арабский философ Авиценна признавался, что он прочитал «Метафизику» сорок раз, но так ничего и не понял), но без которых невозможно понять философию Аристотеля и которые оказали громадное воздействие на все последующее развитие европейской философской мысли². Но хотя люди и стремятся к знаниям, эти знания бывают разные. К примеру, человек обыденного *опыта*, как называет его Аристотель, знает, что определенное лекарство помогло X вылечиться, но почему – не знает, зато человек *искусства* знает причину. Например, он знает, что у X был жар, а это лекарство имеет в своем составе вещество, снижающее температуру. Значит, этот человек познал универсальное, поскольку он понимает, что это лекарство вылечит всех, у кого будет жар. Искусство, таким образом, имеет своей целью получение практического результата, но это не Мудрость в понимании Аристотеля, поскольку высшая Мудрость не ставит перед собой цели создать что-то или получить какой-либо практический результат – она не утилитарна, она стремится

ся познать главные принципы Бытия, то есть получить знание ради знания. И того человека, который ищет знания ради знания, Аристотель ставит выше того, кто занят поисками конкретного знания для получения практического выхода. Иными словами, та наука занимает более высокое положение, которая желательна ради нее самой, а не та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы.

Такая наука, которая стремится к знанию вообще, – это наука, познающая главные принципы или первопричины, наука, возникающая из удивления. Люди начинают удивляться тому, что их окружает, и у них возникает желание узнать, откуда появились вещи, которые они видят, и почему они такие. Философия возникает из желания понять, как устроен мир, а не из стремления получить пользу от знаний. И только эту науку можно назвать единственно свободной, ибо, подобно свободному человеку, она существует ради самой себя, а не ради кого-то другого. Поэтому метафизика, по мнению Аристотеля, является Мудростью *par excellence*, а философ или любитель мудрости – это человек, который стремится познать первопричину и природу Реальности ради самого знания. В этом смысле Аристотеля можно назвать догматиком, поскольку он утверждал, что подобное знание достижимо, но он не был догматиком в обычном смысле этого слова, то есть человеком, выдвигавшим теории без каких-либо попыток доказать их истинность.

Мудрость, таким образом, имеет дело с главными прин-

ципами Бытия и первопричинами вещей, то есть с универсальным знанием самой высшей степени. Это означает, что наука, дающая нам такое знание, находится дальше всего от восприятия, это наука высшей степени абстракции и потому наиболее сложная. Для того чтобы понять ее, нужно приложить большие умственные усилия. «Чувственное восприятие свойственно всем, а потому это легко, и ничего мудрого в этом нет»³. Но хотя это и самая абстрактная наука, она, по мнению Аристотеля, и самая строгая из наук. «А наиболее строги те науки, которые больше всего занимаются первыми началами; ведь те, которые исходят из меньшего числа [предпосылок], более строги, нежели те, которые приобретаются на основе прибавления (например, арифметика более строга, чем геометрия)»⁴. Более того, эта наука более способна научить, поскольку имеет дело с главными принципами Бытия, а первоначала и причины наиболее достойны познания, «ибо через них и на их основе познаются все остальные, а не они через то, что им подчинено».

Однако из этого вовсе не следует, что нам легко их познать, поскольку мы, по необходимости, начинаем с объектов восприятия. А для того, чтобы перейти от чувственного познания к познанию предельных принципов, требуются значительные усилия мысли и высокая степень абстракции.

2. Причин, с которыми имеют дело Мудрость или философия, четыре, и они названы в «Физике»: 1) субстанция или сущность вещей (формальная причина); 2) материя или

субстрат (материальная причина); 3) источник движения или действующая причина; 4) конечная причина (цель) или благо. В первой книге «Метафизики» Аристотель дает краткий обзор взглядов своих предшественников, чтобы определить, не называл ли кто-нибудь из них еще какой-нибудь причины, помимо этих четырех. С этой целью он составил краткий очерк развития греческой философии, не собираясь, однако, вдаваться в подробности философских систем. Аристотель проследил эволюцию взглядов на четыре причины и в результате исследования пришел к выводу, что не только не было философа, который назвал бы еще хоть одну причину сверх указанных четырех, но никто не сумел назвать даже все четыре. Аристотель, подобно Гегелю, рассматривал всю предшествующую философию как подготовку к своей собственной. Конечно же Аристотель вовсе не страдал чрезмерным самомнением, тем не менее искренне считал свою философию высшим синтезом идей своих предшественников. В этом есть определенная доля правды, но иногда он бывал очень несправедлив к философам, жившим до него.

Фалес и первые греческие философы занимались поисками материальной причины, они хотели найти исходный субстрат вещей, который не возникает и не уничтожается, но из которого появляются и в который возвращаются все особенные объекты. Из этих поисков и родились философские системы, например Фалеса, Анаксимена, Гераклита, которые полагали одну материальную причину, и Эмпедокла, кото-

рый выделил четыре таких элемента. Но даже если допустить, что элементы порождаются одной материальной причиной, то кто может объяснить, почему это происходит и что является источником движения, с помощью которого возникают и исчезают объекты? Должна быть какая-то причина постоянных изменений, происходящих в мире; сами факты должны были натолкнуть мыслителей на мысль, что надо поискать какую-то другую, нематериальную причину. Попытки найти ее мы находим в философии Эмпедокла и Анаксагора. Последний понимал, что проявление красоты и блага в объектах нельзя объяснить никаким материальным элементом, поэтому он утверждал, что в материальном мире действует Ум. Это дало повод Аристотелю сказать, что Анаксагор «казался рассудительным по сравнению с необдуманностями рассуждениями его предшественников»⁵. Тем не менее «Анаксагор рассматривает ум как орудие мирозидания, и, когда у него возникает затруднение, по какой причине нечто существует по необходимости, он ссылается на ум, в остальных же случаях он объявляет причиной происходящего все, что угодно, только не ум»⁶. Иными словами, Аристотель обвинял Анаксагора в том, что он скрывал свое невежество под маской Ума. Что касается Эмпедокла, то тот утверждал, что в мире действуют две активные силы – Дружба и Вражда, но он прибегал к этим причинам «недостаточно, и при этом у него не получалось согласованности»⁷. Тем не менее эти

два философа сумели установить две из четырех Аристотелевых причин, материальную и действующую, но они не сумели разработать убедительной концепции этих причин и не создали стройной научной философской системы.

На смену философии пифагорейцев, которая внесла мало конструктивного, пришла философия Платона, создавшего теорию Форм, служащих причиной сущности вещей (то есть в определенном смысле главной причиной), но отделившего их от вещей, чьей сущностью они являются. Поэтому Платон, по мнению Аристотеля, выделил только две причины – «сущность и материальную причину»⁸. Что же касается конечной причины, то предыдущие философы рассматривали ее лишь походя или случайно. В этом вопросе Аристотель был несправедлив к Платону, поскольку в «Тимее» Платон вводит концепцию Демиурга, служащего действующей причиной, и говорит о роли богов – небесных тел, а кроме того, излагает доктрину конечной цели. Для Платона конечная причина становления заключалась в реализации (в смысле «подобия») Идеи Блага. Тем не менее верно, что Платон не смог провести последовательно тезис о реализации имманентной формы или сущности как конечной цели каждой конкретной субстанции.

3. Обозначив главные проблемы философии в Книге 3 (В) «Метафизики», Аристотель в начале Книги 4 (Г) заявляет, что метафизическая наука имеет дело с бытием, как таковым, изучает Бытие ради бытия. Частные науки выделяют

какую-то область Бытия и исследуют его атрибуты, относящиеся к этой области; но метафизик рассматривает не отдельные характеристики Бытия (например, количественные или характеристики живого организма), а скорее Бытие само по себе и его атрибуты. Говорить, что что-то есть, – значит говорить, что это *единое*; таким образом, Единство есть сущностный атрибут Бытия, и подобно тому, как Бытие само по себе можно найти во всех категориях, так и Единство присуще всем категориям. Что же касается Блага, то, как отмечает Аристотель в «Этике» (Никомахова этика. 1096), оно тоже приложимо ко всем категориям. Следовательно, Единство и Благо являются трансцендентальными атрибутами Бытия, выражаясь языком философов-схоластов, поскольку, будучи применимыми ко всем категориям, они не относятся к какой-то одной категории и не образуют рода. Если в определении человека как «разумного животного» «животное» – признак рода, то «разумное» – это видовой признак; однако нельзя предсказать «животность» разумности или род отличительному признаку, хотя можно предсказать бытие обоим. Поэтому Бытие не может быть родом, как не могут быть им Единство и Благо.

Термин «Бытие», однако, не может быть приписан всем существующим вещам в одном и том же смысле, ибо субстанция есть, обладает Бытием таким образом, что о качестве, к примеру, которое есть атрибут субстанции, нельзя сказать, что оно есть. С какой же тогда категорией Бытия в

первую очередь имеет дело метафизика? С категорией субстанции, которая первична, поскольку все вещи – либо субстанции, либо проявление субстанций. Однако существуют или могут существовать различные виды субстанций, так с каким же имеет дело первая философия или метафизика? Аристотель отвечает, что если существует неизменяемая субстанция, то ее и изучает метафизика, поскольку она исследует Бытие ради Бытия, а истинная природа Бытия проявляется в том, что не изменяется и является самосущим, а не в том, что подвержено изменению. То, что имеется по крайней мере одно такое неизменяемое Бытие, вызывающее движение, само оставаясь при этом неподвижным, доказывалось невозможностью существования бесконечного числа источников движения. Эта неподвижная субстанция, включающая в себя все сущее, имеет божественный характер, а потому первую философию правильнее было бы назвать теологией. Математика – это теоретическая наука, имеющая дело с движущимися объектами, но эти объекты, хотя *мы и рассматриваем их отдельно от материи,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.